

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный университет
Омский государственный университет
Министерство культуры РФ
Сибирский филиал Российского института культурологии

В.Г. Рыженко

**Интеллигенция в культуре
крупного сибирского города в 1920-е годы:
вопросы теории, истории, историографии,
методов исследования**

Монография

Екатеринбург – Омск
2003

УДК 93
ББК 63.3(2Р5)61-2
Р 939

*Печатается по решению кафедры современной отечественной истории
и историографии ОмГУ и Ученого совета Сибирского филиала
Российского института культурологии МК РФ*

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *М.Е. Главацкий* (Уральский
госуниверситет, г. Екатеринбург); доктор исторических наук *М.Р. Зезина*
(Академия государственной службы при Президенте РФ, г. Москва)

Рыженко В.Г.

**Р 939 Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в
1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, мето-
дов исследования: Монография.** – Екатеринбург: Изд-во Уральск.
ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – 370 с.

ISBN 5-7525-1135-6

ISBN 5-7779-0445-9

В монографии в контексте познавательных «поворотов» анализиру-
ется современная историографическая ситуация, обращается внимание на
специфику складывания интеллигентоведения в качестве самостоятель-
ной области научного знания, предлагается вариант междисциплинарной
исследовательской модели, конструируемой на стыке истории, культуро-
логии, урбанистики. Конкретно-историческая апробация модели осущест-
вляется на материале четырех городов-центров Сибири (Иркутска, Ново-
сибирска, Омска, Томска) и в хронологических рамках 1920-х гг. Рассмат-
риваются взаимосвязи профессиональной и общественной (родиноведче-
ской) деятельности представителей отдельных отрядов технической, науч-
ной и художественной интеллигенции с «местной» культурой, формы уча-
стия интеллигенции в преобразовании культурно-цивилизационного ланд-
шафта крупных городов региона.

Монография может быть полезна историкам, культурологам, науко-
ведам.

УДК 93
ББК 63.3(2Р5)61-2

Ответственные редакторы:
доктор исторических наук *В.П. Корзун*;
кандидат исторических наук *В.Ш. Назимова*

ISBN 5-7525-1135-6
ISBN 5-7779-0445-9

© В.Г. Рыженко, 2003
© Уральский госуниверситет, 2003
© Омский госуниверситет, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интеллигенция – город – культура – это особые взаимосвязанные объекты, которые в последнее время все чаще привлекают внимание исследователей и публицистов. Интерес к двум из них (интеллигенции и культуре) в российской историографии и общественном мнении устойчив и резко обостряется в так называемые «переломные» периоды отечественной истории. К третьему объекту (городу) обращаются преимущественно географы, социологи, градостроители, представители отраслевых ветвей научного знания, работающие над практическими задачами городского хозяйства и вопросами стратегического планирования развития городов. Что же касается историка, изучающего культуру и интеллигенцию России в хронологии XX в., особенно в рамках советского этапа нашей истории, то для него эти объекты и их взаимосвязи до сих пор во многом представляют своего рода уравнение с постоянно меняющимися значениями каждого из неизвестных. Причем одно из неизвестных – город – появилось в уравнении сравнительно недавно.

Очередной всплеск интереса к состоянию и судьбе российской культуры, к роли и сущности интеллигенции, а также к проблемам городов и городских сообществ пришелся на два последних десятилетия XX века. Этот всплеск, будучи одним из проявлений естественной реакции на резкие перемены в стране, совпал также с началом принципиальных изменений в отечественной историографии. Происходивший отказ от мононауки, каковой была советская историография, создал ситуацию выбора исследовательских парадигм. Историки получили возможность активно строить свои версии изучения обозначенных объектов, включая использование арсенала смежных наук, обращающихся к теории и истории культуры, к феномену города в мировой и отечественной практике, к проблеме человека.

Наш интерес к изучению взаимосвязей истории отечественной культуры, интеллигенции и урбанизации определился в основных чертах еще в начале 1980-х гг. Это произошло в рамках общепринятой тогда мононаучной парадигмы изучения истории советской интеллигенции, хотя и в виде «поворота» со «столбовой дороги». В это время в советской историографии культуры и интеллигенции завер-

шилось подведение итогов предшествующей исследовательской практики, начали складываться новые подходы¹. В качестве наиболее перспективного из них определился системный подход, а лидерами–разработчиками новой исследовательской линии стали новосибирские историки во главе с В.Л. Соскиным. Результаты, достигнутые в сибирской историографии в предшествующий период, были проанализированы в специальном сборнике статей, появившемся на исходе 1970-х гг.² По замыслу коллектива сектора истории культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР сборник должен был отразить основной круг историко-культурных проблем и определить плацдарм, на котором возможна подготовка обобщающих трудов по истории культуры и интеллигенции советской Сибири. В итоге приоритет был отдан вопросам формирования советской интеллигенции в регионе, а в качестве перспективы заявлялась реальная возможность написания обобщающих работ по всему периоду строительства социализма в рамках относительно «узких» тем для последующего комплексного исследования процесса формирования социалистической интеллигенции в Сибири³. Одним из первых и самых значительных результатов реализации этого курса стала монография С.А. Красильникова и В.Л. Соскина⁴, в которой впервые была дана общая характеристика интеллигенции Сибири в 1917–1918 гг., на рубеже старой и новой эпохи. Проведенные авторами статистические расчеты и сделанные выводы относительно возможной численности сибирской интеллигенции, ее социально-профессиональных признаков и диспропорций в территориально-поселенческом распределении были новаторскими и сохраняют свою ценность.

Содержанием авторских поисков на «боковой тропинке» в середине 1980-х гг. стало добавление в интересующее нас проблемное поле вопроса о вкладе интеллигенции в культуру российского совет-

¹ См., напр.: *Зак Л.М.* История изучения советской культуры в СССР. М., 1981; *Главацкий М.Е.* Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.

² См.: *Историография культуры и интеллигенции Сибири* / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 1978.

³ См.: *Пыстина Л.И., Осташко Т.Н., Лутухин И.А.* Формирование интеллигенции в Сибири в период строительства социализма // *Историография культуры и интеллигенции Сибири...* С. 168.

⁴ *Красильников С.А., Соскин В.Л.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти (1917 – лето 1918). Новосибирск, 1985.

ского города XX в. В качестве темы для конкретно-исторического исследования был предложен региональный вариант: «Интеллигенция городов-центров Западной Сибири 1920-х гг.». Уже тогда стали очевидными трудности выбранного ракурса, поскольку город XX в. и его культура не вызывали особого интереса советских историков.

Следующий «поворот» намечился во второй половине 1980-х гг. К середине 1980-х гг. сибирские историки (В.Л. Соскин, Е.Г. Водичев, С.А. Красильников) внесли существенные коррективы в намеченные планы. В 1986 г. историкам культуры и интеллигенции был предложен новый теоретико-методологический инструментарий, в котором ключевым для изучения культурного развития Сибири становилось понятие «духовный потенциал». Системное видение его внутреннего содержания было положено в основу соответствующего раздела новой региональной исследовательской комплексной программы по изучению исторического опыта освоения Сибири, принятой академическим сообществом Сибири⁵. Новосибирские историки культуры, сохраняя по-прежнему свою координирующую миссию, начали изучение научно-образовательного, художественно-эстетического и нравственно-этического блоков этого потенциала. При этом закономерным было обращение и к характеристике соответствующего кадрового ядра – в первую очередь к научно-педагогической и художественной интеллигенции.

Основное внимание исследователей было сосредоточено на первом блоке. К рубежу 1980–1990-х гг. в региональной историографии были достигнуты важные научные результаты⁶, получено развернутое представление о социальных аспектах развития науки и образования в Сибири, о количественных, социально-профессиональных и идейно-политических характеристиках научно-педагогической интеллигенции. Именно в рамках такой социальной модели в сотрудничестве с новосибирскими коллегами нами предпринималась дальнейшая разработка поставленной темы⁷, но одновременно сохранялся ин-

⁵ См.: Целевая научно-исследовательская программа «Исторический опыт освоения Сибири». Новосибирск, 1987. С. 46–62.

⁶ См.: Развитие науки в Сибири: методология, историография, источниковедение / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 1986; Кадры науки советской Сибири: проблемы истории / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 1991.

⁷ См.: Рыженко В.Г. Научные работники Сибири 20-х гг. (численность, размещение, состав) // Кадры науки советской Сибири: проблемы истории... С. 72–91.

терес к теории и истории российского города и представление о необходимости междисциплинарного изучения интеллигенции. Нельзя не отметить, что и для зарубежных исследований историко-урбанистическая проблематика оформилась в самостоятельную область к началу 1980-х гг.

Стремительно менявшаяся в последующее десятилетие исследовательская ситуация вновь заставляла автора корректировать свои замыслы и искать нестандартные решения при определении контуров и содержания возможного объекта для анализа, не теряя при этом его главной части – интеллигенции. Поясняя сложившуюся в итоге структуру и проблемное поле предлагаемой книги, обозначим пока лишь перечень определивших ее основных факторов. Их содержание и особенности воздействия на авторские поиски являются предметом внимания в первом разделе книги.

Первым из важных для нас признаков изменений в современной историографической ситуации стало упрочившееся еще во второй половине 1980-х гг. представление о культуре как сложном и многослойном объекте, требующем междисциплинарного и межотраслевого изучения. Тогда же мощно заявила о себе российская культурология. Несколько позже, с конца 1980-х гг. и в 1990-е гг., обозначилось другое повлиявшее на наши замыслы обстоятельство – начала обособляться региональная история. В ее проблематике обнаружилось внимание к культуре региона, выявлению ее потенциала и образов (реального и символического). В итоге проблемное поле регионоведения сомкнулось с интересами исторической науки, теории и истории культуры, культурологии, ряда социальных наук. Недавно появились и монографические исследования с особым акцентом на роль локальных сообществ как фактора «интеллектуального единения» региона и их деятелей в формировании местной культурно-информационной среды, выполненные на материалах отдельных территорий России⁸.

Принципиальным корректирующим фактором для нас стало стремление отдельных направлений исторических исследований к перемене своего статуса и выходу из рамок проблемной историографии. С конца 1980-х гг. начали активно обособляться так называемое «интеллигентоведение» и изучение культуры российской провинции

⁸ См, напр.: Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М.: МГИУ, 2000. 196 с.

(в первом случае инициатива принадлежала ивановскому, а во втором – московским исследовательским коллективам). На изменение наших подходов к изучению интеллигенции и культуры российской провинции оказали прямое воздействие «новая культурная история», историческая антропология, историческая регионалистика, интеллектуальная история.

Главным в новом междисциплинарном проблемном поле становилось включение дополнительного (территориально-пространственного) ракурса. Одновременно происходило восстановление полноправного научно-исследовательского статуса локальных культурно-исторических опытов. Был поставлен вопрос о методологии местной истории⁹. Начался пересмотр отношения к краеведению, которое стало восприниматься как важный социокультурный феномен и один из сущностных признаков, характеризующих деятельность интеллигенции, ее особую связь со своим «месторазвитием». Объединяет обозначенные новые исследовательские направления приоритетное внимание к изучению личности в культуре.

Актуализация возвращаемого в российскую науку исследовательского опыта нашла свое предельное воплощение в недавно предложенной трактовке «областного культуроведения» как регионального принципа сохранения и использования историко-культурного наследия¹⁰. По мнению Э.А. Шулеповой, уникальность российских регионов может быть представлена через понятие, раскрывающееся в теории так называемых «культурных гнезд» – своеобразных локальных территориально-поселенческих образований со специфической культурно-исторической средой.

В условиях переломной и переходной эпохи, начиная с революционно-военных потрясений, крупные города регионов России становились особыми площадками для экспериментальных действий в их культурно-цивилизационном ландшафте. Естественно, что в этом принимали участие «пролетарии умственного труда» – работники интеллигентных профессий. Они составляли ядро культурного и

интеллектуального потенциала сибирского региона, сосредоточенного в его городах-центрах.

В 1980-е гг. стали очевидными трудности выбранного нами ракурса, поскольку город XX в. и его культура не вызвали особого интереса советских историков. Попытки обращения к интеллигенции города были единичными. К ним можно отнести работу В.Б. Жеромской¹¹. Автор на материале регионов с высоким уровнем урбанизации, прежде всего Европейской России, используя массовые статистические источники (Всесоюзная городская перепись 1923 г.), дала характеристику социальной структуры населения советского города первой половины 1920-х гг., включая интеллигенцию.

Сибирские исследователи, обратившись к историко-демографической проблематике и в связи с этим к городскому населению, включая 1920-е гг. (В.А. Исупов, А.С. Московский), к культурному облику городских отрядов рабочего класса Сибири (В.П. Буторин, Ю.Г. Марченко), обозначили новый сегмент проблемного поля для историков культуры и интеллигенции. В 1987 г. появился первый научный сборник, посвященный урбанизации в Сибири, где среди перспективных задач была указана необходимость изучения роли интеллигенции с учетом урбанизационных процессов. Наше убеждение в целесообразности назревшего выхода в междисциплинарное проблемное поле и поиска соответствующих «инструментов» укрепилось.

Сибирские историки культуры, в первую очередь представители сектора культурного строительства Института истории СО РАН во главе с В.Л. Соскиным, в 1990-е гг. продолжали изучать историю интеллигенции, но уже в связи с новыми исследовательскими программами. Это обстоятельство следовало учитывать, как и то, что история сибирской интеллигенции 1917 – середины 1930-х гг. с максимальным использованием инструментов социального подхода была рассмотрена С.А. Красильниковым¹². Им же была предложена типология интеллигенции на основе социально-политического критерия и выде-

⁹ Гомаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 158–163.

¹⁰ См.: Шулепова Э.А., Селезнева Е.Н. Социокультурные аспекты формирования историко-культурной среды // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии. М., 2002. С. 61.

¹¹ Жеромская В.Б. Советский город в 1921–1925 гг. Проблемы социальной структуры. М., 1988.

¹² Красильников С.А. Социально-политическое развитие интеллигенции Сибири в 1917 – середине 1930-х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1995.

лены группы: лидерная, базисная и маргинальная¹³. Анализ состояния проблемной историографии советской интеллигенции к середине 1990-х гг. был дан В.Л. Соскиным¹⁴.

Рассматривая интеллигенцию в качестве ядра культурного потенциала города, автор задумал соединить социальную координату с территориально-пространственной. Таким образом, интеллигенция оказывается на конкретной почве ее «местобытования» и «месторазвития». Приоритетным направлением для нас стало рассмотрение форм консолидации усилий местной и пришлой интеллигенции, сосредоточенных в четырех крупных сибирских городах (Иркутск, Новосибирск, Омск, Томск), вокруг проблем региональной истории и культуры, ее сохранения и приращения.

Обозначенные признаки новизны современной историографической ситуации заставили нас перейти к «переоснащению» профессионального инструментария историка культуры и интеллигенции. Под «переоснащением» имеется в виду не отказ от арсенала методов и методик, накопленных в отечественных историко-культурных опытах, а дополнение исследовательского инструментария за счет подходов, появившихся в смежных областях гуманитарного знания, и конструирование рабочих моделей, позволяющих рассматривать сложные объекты многофокусно.

В ходе наших поисков структура объекта усложнялась, но одновременно приобретала более четкие признаки и в итоге получила три ядра: «интеллигенция» – «культура» – «город». Линии их взаимосвязей придают объекту объемность и открытость. И город, и культура – в значительной степени продукты творческой деятельности интеллигенции. Поэтому на первый план вышли формы и способы реализации интеллигенцией своей социокультурной роли/миссии в координатах пространства культуры «Места».

Из трех ядер нашего сложного объекта главным и самым субъектным, придающим импульсы и своеобразие культурно-исторической динамике остальных двух, является интеллигенция в качестве сложного социокультурного и социально-исторического феномена.

¹³ Красильников С.А. Социальная типология интеллигенции в первое послеоктябрьское десятилетие // Актуальные проблемы истории советской Сибири / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 1990. С. 172–176.

¹⁴ Соскин В.Л. Современная историография советской интеллигенции России. Новосибирск, 1996. 83 с.

Внимание к отклику интеллигенции на «вызов» своего «местобытования» и «месторазвития» сделало необходимым и равноправным в общей логике предлагаемого построения книги обращение к современным историографическим и теоретико-методологическим поискам. Тем самым предметом нашего исследования становятся процессы, отражающие деятельность интеллигенции в культуре крупного города-центра, формы и результаты ее участия в придании культурно-цивилизационному ландшафту городов этого типа особых свойств и признаков. В качестве главных выделяются те процессы, которые либо связаны с деятельностью отдельных отрядов интеллигенции, либо имеют ярко выраженный «штучный» характер и отражают особенности отношения интеллигенции к культуре региона и конкретного города, а также своеобразие восприятия ее представителями своего «местобытования». Условно эту часть предмета можно назвать откликами на «вызовы Времени и Места».

Такое видение предмета нашего исследования дополняется своего рода оболочкой, которой становятся особенности становления интеллигентоведения и поисков способов получения нового знания в ситуации познавательных поворотов конца XX в. Нам представляется это принципиально важным. Отсюда усложняется проблемное поле. В нем значительное место занимают теоретико-методологические и историографические вопросы. Дополнительную актуализацию общему составному содержанию проблемного поля при изучении феномена интеллигенции вносит специфика развития научного знания во второй половине прошлого столетия, меняющееся самосознание современного историка-исследователя, перемены в основах и способах получения профессионального знания.

Отсюда мы выбираем в качестве генеральной стратегической линии междисциплинарную направленность. Основной целью при этом будет проверка возможностей и эффективности анализа интеллигенции «на стыке» исторической науки с другими науками. Мы обращаемся к определенным исследовательским моделям и учитываем контекст познавательных «поворотов». Выбору нашей исследовательской модели, раскрытию ее содержания, особенностям инструментария, связям этой комплексной (междисциплинарной) исследовательской модели с отечественной научной традицией и существующими исследовательскими практиками посвящен второй раздел предлагаемой книги.

Как свидетельствует информация об интеллигентоведческой тематике 1990-х гг., собранная в НИИ интеллигентоведения при Ивановском межвузовском Центре, подобные попытки пока отсутствуют в отечественных исследованиях¹⁵. Что же касается зарубежных ученых, то их внимание к интересующему нас пересечению проблем проявляется по-разному. В нем внутри ядра, которым по-прежнему является проблема «интеллигенция и власть», возникают новые версии содержания ключевой дефиниции и определения основного предназначения интеллигенции. Такова, к примеру, точка зрения профессора Принстонского университета Дж. Блеймайера, предложившего недавно дефиницию «бескорыстный интеллигент» в качестве научной и доказывающего, что обязанность интеллигенции – стоять вне структур, сохранять объективность и сосредоточенность на поиске решения социальных проблем¹⁶. Служение позитивному делу означает, по мнению Дж. Блеймайера, что роль интеллектуалов соответствует высочайшему званию бескорыстного интеллектуала. Нашему видению специфики проблемы социокультурной роли интеллигенции в XX в. близка позиция болгарских ученых Н. Колева и С. Маркова, убежденных, что интеллигенция является важным фактором для формирования ядра гражданских образований, «естественным мостом», который обеспечивает связь гражданских обществ и административной власти¹⁷.

Для исследований немецких ученых характерно стремление рассматривать разнообразие связей деятельности людей, в том числе отдельных профессиональных групп, с пространством определенного места. При этом можно отметить три линии, учтенные при определении наших исследовательских задач. Одна из них связана с философским осмыслением понятия «Места» в контексте феномена родины-ведения и трактовки понятия «Родина»¹⁸.

¹⁵ См.: Олейник О.Ю. Изучение проблем интеллигенции в 1990-е годы: Справочно-библиографическая информация // Интеллигенция и мир. Иваново, 2001. № 1. С. 91–100.

¹⁶ Bleimaier John Kuhn. The Disinterested Intellectual // Интеллигенция и власть / Под ред. А.И. Студеникина. М.: УРСС, 1999. С. 33–39.

¹⁷ Там же. С. 51.

¹⁸ См.: Piepmeier R. / Philosophische Aspekte des Heimatbegriffs // Heimat. Analysen, Themen, Perspektiven. Diskussionsbeiträge zur politischen Didaktik. Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn, 1990. S. 91–107.

Другая линия демонстрирует изучение городского культурного пространства и модернизационных процессов XX в. на материале европейских столиц и Петербурга/Ленинграда. Такого рода исследования с 1980-х гг. ведет Карл Шлегель¹⁹. Он подчеркнул недавно, что наука еще не занялась изучением реальной пространственной сложности локально обусловленного исторического процесса, его топографией, наиболее адекватно передающей плотность и сложность исторической жизни. В своих подходах Шлегель использует термин «Modernite», понимая под ним синоним самоорганизующегося, автономного общества граждан в период формирования массового общества и одновременно гражданской культуры («Zivilkultur»). Заметим, что он также особо выделяет влияние экстремальных факторов – войн и революций на культуру города, а также отсутствие микроистории интеллектуальных связей между городами.

Третья линия выражает установившееся сотрудничество зарубежных и российских исследователей в области семиотики городского пространства. По мнению президента Международной семиотической организации пространства Пьера Пеллегрини, в нее входит изучение процессов продуцирования смысла городской деятельности, в том числе анализ образа города как динамической части персонального образа мира²⁰. Подход к восприятию города в этом случае должен включать рассмотрение персональной деятельности, ориентированной на формирование образов, в которых некоторые функции имеют социальный смысл и реализуются в данной культуре. Примечательно, что в проблематике этого междисциплинарного направления выделено изучение отдельных групп населения, культурно-индивидуализированных, их вклада в семиозис городского пространства и взаимодействия в формировании облика города.

Все отмеченные выше обстоятельства определили окончательный вариант замысла монографии и ее структуру. В итоге два первых

¹⁹ Шлегель К. Петербург-Берлин. 1900–1935: Контакты и влияния // Санкт-Петербург: окно в Россию. 1900–1935: Материалы Междунаро. науч. конф. Париж. 6–8 марта 1997 г. СПб., 1997. С. 219–234; Schlogel K. Jenseits des Grossen Oktober: Das Laboratorium der Moderne: Peterburg 1909–1921. Berlin, 1988.

²⁰ Пеллегрини П. Человек и город: пространства, формы и смыслы // The Man and the City. Spaces, Forms, Meanings: Материалы Международного конгресса Международной Ассоциации семиотики пространства: В 2 т. СПб.; Женева–Салоники; Екатеринбург, 1998. Т. 2. С. 11, 15–16.

раздела предлагаемой книги отведены теоретико-методологическим и историографическим аспектам проблемы междисциплинарного знания применительно к ситуации с интеллигентоведением. В третьем и четвертом разделах представлена экспериментальная апробация одной из возможных моделей междисциплинарного анализа интеллигенции в культуре крупных городов-центров Сибири. Некоторые смысловые повторы вызывались необходимостью, с точки зрения автора, подчеркнуть связь предлагаемых теоретических построений и инструментария со сложным содержанием предметной области.

Источниковая база нашего исследования применительно к конкретно-историческому срезу отличается соединением нескольких крупных блоков в последовательности, заданной междисциплинарной направленностью замысла. Это не нарушает традиционную видовую классификацию и учет формы бытования источников, а лишь подчеркивает приоритетные акценты в распределении блоков по степени информативности для всех трех вертикальных уровней предметной области. Поэтому в состав первого блока материалов вошли документы, извлеченные из фондов центральных и местных архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Омской области (ГАОО), Отдела Рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Среди них доминируют делопроизводственные материалы: протоколы, отчеты, доклады, записки, справки, временная учетная документация в виде анкет, списков, мандатов. Уникальную информацию содержат анкеты, относящиеся к началу 1920-х гг., деловая и частная переписка, извлеченная из личных фондов (например, из фонда М.К. Азадовского в ОР РГБ) и фондов тех общественных объединений, которые отражали деятельность интеллигенции крупных центров Сибири по изучению своего «месторазвития» (фонд Общества изучения Сибири и ее производительных сил – ОИС в ГАО и фонд Омского общества краеведения – ООК в ГАОО). К этому блоку относятся материалы такого же характера из сборников документов, подготовленных сибирскими историками и изданных в конце 1990-х гг.

В отдельный блок оформилась информация, обнаруженная в периодической печати, преимущественно в региональных журналах («Жизнь Сибири», «Сибирские огни», «Просвещение Сибири») и не-

которых местных периодических изданиях отдельных городов, ставших к настоящему времени библиографической редкостью. Выборочно в соответствии с исследовательским замыслом просмотрены газеты: региональная «Советская Сибирь» (Новосибирск), местные «Красное Знамя» (Томск), «Рабочий путь» (Омск).

Специфический блок в составе источниковой базы представляют отраслевые искусствоведческие, историко-архитектурные и историко-градостроительные труды и краеведческая литература. Возможности и особенности их использования в качестве источника раскрываются во втором разделе книги.

Историографические и теоретико-методологические проблемы рассматриваются нами на основе публикаций, появившихся в период с конца XX – вплоть до начала XXI вв. Ядро здесь – так называемое «последнее десятилетие XX в.». В то же время мы учитываем, что общие принципиальные перемены в российском гуманитарном знании, в том числе в исторической науке, обозначились уже во второй половине 1980-х гг. Для интеллигентоведения этот рубеж сдвигается к началу 1990-х гг. Верхняя граница – начало XXI в. Ее открытость очевидна, и на данный момент она может быть доведена до 2002 г.

Хронологические рамки для конкретно-исторической апробации – 1920-е гг. – несколько условны. Это определяется нашими представлениями о таком специфическом признаке истории России и ее регионов в XX в., как наличие внутренних «переломных эпох» и «чрезвычайных полос», когда существенную роль в корректировке всех и особенно социокультурных процессов играл фактор внешней экстремальности. Поэтому в предлагаемом варианте исследования нижняя точка отсчета – завершающие события гражданской войны в Сибири (конец 1919 гг.), а верхняя грань – начало полосы «великого перелома» (1929–1930 гг.). В рассматриваемый период интеллигенция каждого из четырех крупных сибирских городов-центров (Иркутск, Новосибирск, Омск, Томск), относящихся к одному многофункциональному типу и лидирующих в регионе по количеству жителей, наиболее остро осознавала происходящие кардинальные перемены, ощущала потребность в изменении своего социокультурного предназначения и предпринимала определенные действия в ответ на «вызовы Времени и Места».

Книга в ее окончательном виде не могла бы появиться, если бы не поддержка коллег по кафедре современной отечественной истории

и историографии Омского госуниверситета, их замечания и советы, высказанные во время обсуждения рукописи, за что выражаю всем большую признательность. Благодарю также членов Ученого совета Сибирского филиала Российского института культурологии, обсуждавших рукопись монографии на своем заседании. Большое значение на завершающем этапе работы над книгой имело доброжелательное и заинтересованное отношение к моим исследовательским поискам, проявленное заведующей кафедрой современной отечественной истории и историографии В.П. Корзун и директором Сибирского филиала РИК Н.А. Томиловым. При доработке рукописи были учтены рекомендации В.Ш. Назимовой, замечания и пожелания рецензентов М.Р. Зезиной и М.Е. Главацкого. Всем им – отдельная благодарность.

В создании книги поддерживали меня своей верой, долготерпением, ценными советами муж и дети. Без их участия этот труд не был бы завершен.

РАЗДЕЛ 1. ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ. В ПОИСКАХ «СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ»

«Мы живем в период возрастающего самосознания. Наша эпоха отличается от других не принципиально новой верой, а именно ростом самосознания и интереса к самим себе»¹. Этими словами открывалась вторая часть эссе К. Манхейма о социологии культуры, посвященная проблеме интеллигенции, исследованию ее роли в прошлом и настоящем. В них, высказанных в начале 30-х гг. XX в., заключено смысловое ядро и движущий импульс всех последующих напряженных интеллектуальных процессов, особенно резко усилившихся в последние 2–3 десятилетия XX в. При непосредственном участии индивидуального и коллективного интеллекта складывались в этот период основы культуры нового столетия с главным принципом диалога культур, включающим понимание культур прошлого как диалога по-разному актуализированных в современности их смыслов². Одновременно стремительно менялся социокультурный контекст, питающий научное познание и специфику его отдельных сфер.

Последствия разворачивавшихся перемен для исторического познания и исторической науки оказались особенно сложными и противоречивыми. В российской ситуации конца 1980 – начала 1990-х гг. они воспринимались как «кризис» в самом негативном его значении. Историки болезненно отнеслись к возникшей проблеме утраты профессиональной идентичности. В то же время постепенно складывалось понимание необходимости формирования в общественном сознании принципиально иного образа истории и ее социальной функции. Перед историческим сообществом встала проблема самопознания, которая, по мнению Г.И. Зверевой, прежде была преимущественно предметом рассуждений философов и методологов исторической науки³. Эта проблема должна была актуализироваться и для ка-

¹ Манхейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000. С. 94.

² Библер В.С. Культура XX века и диалог культур // Библер В.С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. М., 1997. С. 233–243.

³ См.: Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1. М., 1999. С. 251.

Содержание

Предисловие	3
Раздел 1. Интеллигентоведение на рубеже XX–XXI вв. в поисках «своей территории»	16
1.1. Новые признаки и тенденции в отечественных и региональных историко-культурных исследованиях конца XX – начала XXI вв.	23
1.2. «Что в имени тебе моем...» (или вновь о ключевой дефиниции).....	49
1.3. Интеллигентоведение на пути к самостоятельности и проблема преодоления стереотипов в исследовательской практике 1990-х гг.	76
Раздел 2. О перспективах и возможностях междисциплинарного изучения интеллигенции в культуре города	104
2.1. Теоретические основания исследовательской модели «Интеллигенция – Культура – Город».....	113
2.2. Рабочий инструментарий и ключевые понятия (к проблеме преемственности «забытого» наследия и современных исследовательских практик)	135
Раздел 3. Интеллигенция и культурно-цивилизационный ландшафт крупных сибирских городов-центров в 1920-е гг.	160
3.1. Связь профессиональной деятельности технической интеллигенции городов-центров Сибири с региональными и местными интересами	164
3.2. Интеллигенция и проблемы благоустройства крупных городов Сибири	194
3.3. Идеи городов-садов и их сибирские последователи	227
Раздел 4. Интеллигенция в «местной» культуре и пространстве крупного города (Сибирь, 1920-е гг.)	249
4.1. Интеллигенция и новые символы культурного пространства крупного сибирского города (начало 1920-х гг.)	256
4.2. Художественная и научно-педагогическая интеллигенция городов-центров Сибири в поисках ответов на «вызовы Времени и Места» (1920-е гг.).....	280
4.3. Образ столицы Сибири и ее будущего в представлениях и деятельности интеллигенции.....	317
Заключение	346
Список основной литературы	351
Именной указатель	362

Научное издание

В.Г. Рыженко

Интеллигенция в культуре
крупного сибирского города в 1920-е годы:
вопросы теории, истории, историографии,
методов исследования

Монография

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Корректор *Е.С. Радионова*

Редактор *Л.Ф. Платоненко*

Подписано в печать 25.12.03. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 24,5. Тираж 500 экз. Заказ 688.

*Издательско-полиграфический отдел ОмГУ
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а, госуниверситет*